

С аппетитом поглощая мини-бутерброды, Артурс поведал, как в поэме Лачплесис вызывает на бой Черного рыцаря, символизирующего захватчика-крестоносца, сражается с ним, и оба они падают в Даугаву, где сражаются в параллельном мире до сих пор. На месте же разоренного городища ливов в середине XIII века был воздвигнут замок Рижского Домского капитула, впоследствии занятый Рижским архиепископом. Сейчас сохранились только его развалины, которые пытались восстановить много раз, но все время происходили какие-то неприятные, а то и трагические истории со строителями. Похоже, местечко было то еще! В конце прошлого века в тенистом парке на берегу Даугавы в старом амбаре энтузиасты создали музей быта и культуры ливов и посвятили его Андрею Пумпурсу, знаменитому земляку, и героям его эпической поэмы. Там лежит огромный камень — постель Лачплесиса, есть ступа ведьмы, предметы быта и национальные костюмы ливов, но все

это воссозданные или не очень старые экспонаты. Истинной же сокровищницей музея является древняя коллекция лиелвардских поясов.

— Други мои, и я ради вас совершил подвиг — договорился с хранительницей музея, и нам покажут подлинные пояса XIII—XIV веков, предположительно тканые еще ведьмами-пряжами ливов, — нарочито выпятив грудь, расхвастался Артурс.

— Потрясающе, так зачем мы должны тратить время на этот пикник — надо спешить в музей! — воодушевилась я.

— Стоп, стоп! Планы менять не будем. Во-первых, я голоден как медведь. Вы-то болтаете и хомячите кофе с бутербродами всю дорогу кофе, а про извозчика совсем забыли. Во-вторых, у Артурса были какие-то свои резоны, — решительно отстаивал свое право на завтрак злой и голодный Марк.

— Конечно, — встал на сторону друга Артурс, — осталось всего пять километров до замка Улдевена, где мы перекусим, отдохнем, у вас в головах

уляжется полученная от меня информация, и мы не будем производить в музее на мою коллегу Ирису впечатление не совсем уравновешенной группы людей. Но самое главное, вы окунетесь во времена XII века — время расцвета ливской культуры. Этот замок стоит не на месте древнего городища, но воссоздан по реальным историческим документам и рисункам латышским художником Абрисом Лиепыньшем. Я хочу, чтобы вы просто походили по его защитным стенам, заглянули в курные избы ливов и их вождя, посмотрели на древнее капище, тогда вы сможете погрузиться в то время, ощутить его примитивность. А потом вы посмотрите на яркие, фантастические и очень сложные лиелвардские пояса в музее и ответите себе на вопрос «Могли ли люди, жившие в таких поселениях и постоянно борющиеся за свое выживание, создавать такие совершенные и прекрасные пояса? Да и зачем они были им нужны?».

— Мудро, хочешь создать контраст и привязать нашу па-

мья к эмоциям, переживанию. Отличная идея! Вот и поворот на замок Улдевена! — радостно объявил Марк, потянувшись в предвкушении прогулки.

Мы выгрузились на берегу реки. Даугава разлилась так, что горизонт утонул в тумане, и, казалось, перья белоснежных облаков, как гигантские лебеди, сейчас приплывут к нашим ногам. Под птичий концерт позавтракав остатками вчерашнего обеда и раскрошив множество еды в качестве угощения лесным жителям, мы двинулись к небольшому деревянному замку, воспроизводившему поселение древнеливского правителя Улдевена. Среди еще голых деревьев виднелись неказистые бревенчатые стены, обмазанные глинистой грязью и поросшие ярким зеленым мхом. И если бы

не Артурс, знавший эти места, то, без всякого сомнения, мы вломились бы в неглубокий и коварный ров перед ними, переломав себе руки и ноги. Внутри городища жались друг к другу маленькие курные избы с очагами в центре. Убогий дом вождя отличался от них только большим размером и числом шкур. Когда я оглядела этот крошечный, практически детский игровой городок, меня охватил физический ужас. Как люди выживали суровыми зимами в таких хрупких жилищах, боролись с дикими зверями — и у них все равно оставались силы и желание воевать и грабить друг друга! Какой должна была быть мощной вера в помощь и защиту древних богов и сколь безграничной властью обладали те ведьмы, что служили этим богам! На лицах

моих друзей проступила тревога, растерянность и страх. Артурс был прав: для того чтобы увидеть древние артефакты, на них надо смотреть через призму их реальности. Оставшуюся часть пути до музея в машине было тихо. Мы все как будто настраивались...

Мерседес Марка плавно остановился у входа в парк Лачплесиса на берегу Даугавы. Артурс взял меня за руку и нетерпеливо потащил по дорожке, ведущей к каменному одноэтажному зданию с высокой деревянной крышей. Робкая майская зелень делала деревья праздничными, легкими, светлыми. Полдень. Ни единой тени. Запах реки и весеннего пробуждения. Птичий гомон и ощущение того, что я была здесь раньше... Дежавю... Берег реки, приставь и это блаженное тепло в груди, словно кто-то бережно взял мое дрожащее сердце в ладони и убаюкал его. Конечно! Музей старообрядчества в Ветке с его уникальной коллекцией рушников, совсем не похожий внешне на этот, но — тоже берег реки, пристань и тоже чувство обретения дома.

У входа в музей нас ожидала высокая, широкая в кости, статная женщина с рыжеватыми волосами и светлыми глазами, одетая в полосатую длинную юбку, белую блузу и шерстяную накидку, сколотую большой янтарной брошью.

— Здравствуй, Ириса! Рад тебя видеть! Знакомься — это мои друзья, — поприветствовал ее Артурс.

— Добрый день, я хранительница этого музея, надеюсь, Артурс рассказал вам об Андрее Пумпурсе, его эпосе и немного об истории ливов, поэтому предлагаю проскочить экспозиции музея и идти прямо к коллекции

лиелвардских поясов. Ведь это главное, как я поняла из телефонного разговора с Артурсом, зачем вы приехали в такую даль. Здесь хранятся оригинальные старинные ливские пояса, которые у нас еще не успел утащить Национальный музей Латвии, — с горечью по-русски пошутила Ириса. — Если вас что-то по пути заинтересует, спрашивайте.

Да, начало было многообещающим. Далее мы поздоровались с куклой домового, охраняющей вход; миновали ведьмину ступу, изрисованную изнутри какими-то знаками; пробежались взглядом по украшениям, плетням, прялкам, стенду с национальными костюмами и приблизились к витрине с вожделенными поясами.

— Дорогие друзья, наш музей был открыт в 1978 году в здании старого амбара благодаря тогдашнему директору колхоза Эдгару Калниньшу. Группа энтузиастов и краеведов-любителей, многие из которых считали себя потомками ливов, собрали здесь все, что было хоть как-то связано с Лачплесисом: от книг, включая американское, австралийское и японское издания эпоса, до предметов, значение которых мы точно не знаем, а можем лишь только предполагать, что они использовались при неких языческих обрядах. На втором этаже нашего музея множество деревянных макетов крепостей, латышских хуторов, мельниц, рыбацких лодок, и, конечно, в этом пространстве присутствуют и куклы мистических существ — вроде той, на которую вы обратили внимание при входе. Этому домовому наш сторож ставит блюдце молока на ночь, чтобы сам он мог спать спокойно, а домовый охранял музей. Мы верим, что герои эпоса Пумпурса — это

наши предки, а не литературные герои, и они были так же реальны, как и мы с вами, — очень серьезно и спокойно, как умеют делать только прибалтийцы и учительницы младших классов, начала рассказ Ириса. — Нам несказанно повезло: в одной из кладовых Дома офицеров Прибалтийского военного округа, где до 1940 года находилось Рижское латышское общество, хранилась никому не нужная коллекция старинных поясов. Они были в ужасном состоянии, погрызенные крысами и битые молью, но многое удалось восстановить руками мастериц. Коллекция пополнялась семейными поясами, которые мы собирали по всей Латвии. Дело в том, что потомки ливов верят, что пояса, переходящие из поколения в поколение, охраняют их род, и расстаются с семейными реликвиями очень неохотно. И предостерегают всех, кто начинает изучать пояса, что их ждет открытие многих

семейных и родовых тайн. Лиелвардскими же поясами это собрание стало именоваться совсем недавно, по названию этой местности. Полюбуйтесь на них! Они прекрасны! — воскликнула Ириса и указала рукой в сторону витрины.

За стеклом были размещены тканые пояса: мужские — широкой с ладонь и женские — узкие, длиной около четырех метров, чтобы можно было оборачивать вокруг талии несколько раз. Пояса ткались из красных шерстяных нитей и белых льняных. Неповторимые орнаменты развивались от простых к сложным и состояли из четырнадцати фрагментов. В начале знак рыбы, что вплывала в реку жизни, потом шли многочисленные ромбы, свастики, зигзаги, кресты прямые и ветвистые, знаки медведей и волков.

Голос Ирисы уводил нас все дальше и дальше из реальности: — Древние пояса уникальны — порядок и сочетание элементов

орнамента в них неповторимы. Сохранилось предание, что их ткали пряжи, мастерство передавалось по наследству. Такие пояса создавались для людей, особо значимых для рода; для воинов, уходивших в дальний поход, или кормщиков, проводивших ладьи викингов по Западной Двине. Для женщин ткали пояса простенькие, узкие, связанные с удачным зачатием и рождением детей, поскольку охрана девичества в то время не была актуальна. Женщины должны были рожать детей, которых все равно воспитывал род. И только уже после принятия христианства распространилась легенда, что есть женские пояса с орнаментом, хранящим девичество и чистоту, но к ливским поясам это не имеет отношения.

По другим устным преданиям, пряжи не только ткали пояса для нужд рода, но и хранили пояса, в которых содержались тайные знания. И здесь полету нашей фантазии нет предела: есть версия, что пояс — это карта и ключ к пути, по которому человечество может возвратиться на свою далекую звездную родину, ведь не зря же Лачплесис — сын звездной медведицы, а фото галактики Вертушки в созвездии Большой Медведицы практически совпадает с изображением свастики. А какие у вас возникают ассоциации, когда вы смотрите на эти сложные орнаменты поясов?

Первой нарушила молчание Мила, привыкшая, как пожизненная отличница, выступать первой:

— Я думаю, что наша ДНК содержит всю необходимую информацию для познания космоса, просто мы не умеем ею воспользоваться. Если спираль Уотсона и Крика сфотографировать в определенном ракурсе, то получится тоже изображение

вертушки. Спираль является наиболее распространенной формой хранения информации.

— Знаете, мы экспериментировали с поясами, в том числе раскладывали их по спирали, так вот, есть пояса, края которых при определенном диаметре спирали идеально совпадают, выписывая ленту фигур, расположенных по вертикали и образующих дополнительный уникальный узор. Еще есть какие-нибудь мысли? — ничуть не удивившись предположению Милы, спросила Ириса.

Я стояла, пораженная не столько увиденным, сколько тем, что аналогичный сюжет совсем недавно разворачивался перед моими глазами в родной Беларуси.

— Поразительно, но неделю тому назад я посетила очень похожий музей в небольшом городке Ветка на берегу реки Сож. Создал его в те же восьмидесятые энтузиаст и коллекционер Федор Григорьевич Шкляров и посвятил традициям и культуре старообрядцев. В музее хранится коллекция древних рушников, выполнявших ритуальные функции у староверов. Эти рушники ткались только из льна, из красных и белых нитей, орнамент на них во многом схож с узорами поясов ливов. Фрагмент этого орнамента даже помещен на национальном флаге Беларуси. Длина рушника, как и у ливских поясов, — четыре метра. Рушник «руховал», или прокладывал дорогу человеку при переходе из одного мира в другой. На рушник клали роженицу, и в него заворачивали младенца; на рушник ступали новобрачные; им покрывали покойника и повязывали на могильный крест; рушником украшали иконы. Поэтому я думаю, что пояса ливов сродни рушникам староверов.

— Знаете, у меня есть друг, он живет в Таллине, его зовут Агрис, — обратилась Ириса ко мне, — он латыш, имеет свой небольшой антикварный магазин в Старом Таллине и собирает все, что связано с походами викингов из Балтики по Западной Двине и Днепру. Тканые пояса и рушники его очень интересуют, поскольку он уверен, что это «дорожные карты» и следы их должны были остаться в местах наиболее сложных переходов.

— Ух ты! Я как раз завтра лечу в Таллин и могу встретиться с ним, — забеспокоилась я, чувствуя, что хозяйка музея явно куда-то торопится и старается свернуть нашу встречу. — Ириса, я хочу передать вам привет от Ведэ с площади Ливов и показать пояс моей тети Оли, — набравшись храбрости, выпалила я, открыла сумку и протянула пояс своей собеседнице.

Ириса взяла пояс, побледнела и дрожащими руками поднесла его прямо к глазам:

— Этого не может быть! Это орнамент с «гадючьего» пояса Качи! Так вот почему мне вчера звонила Ведэ и просила ничему не удивляться!

— Простите, но я не понимаю, что это значит. Действительно, узор на поясе напоминает узор на теле гадюки, причем я сама видела эту змею. Она живет в избе моей тети на печке, а моей тете исполнилось в этом году девяносто четыре года, и этот пояс — последний, что она соткала, а мне отдала его со словами, что это прощальный подарок, который от многого меня бережет и многое поведает, — стала я несколько растерянно объяснять. — Тетя моя живет под Оршей между Западной Двиной и Днепром.

— Кача — одна из последних ведьм, которая летала в ступе и защищала ливов. По преданию, у нее был «гадючий» пояс, который она получила в дар, и он хранил ее от всех опасностей. Извините, вы не могли бы разрешить Артурсу сфотографировать ваш пояс?

Пока Артурс орудовал фотоаппаратом, Ириса растерянно бормотала:

— Неужели то, что говорится в легендах, правда? А может быть, просто то, во что искренне веришь, обязательно случается! Извините, но мне пора уходить, — несколько поспешно начала с нами прощаться Ириса. — Мне хочется подумать, собраться с мыслями, потом связаться с нашим специалистом по расшифровке языка ливских поясов и передать ему только что сделанное фото «змеиного» пояса. Конечно, надо было бы сейчас срочно лететь к вашей тете и попробовать уговорить ее поделиться информацией, но увы, я знаю, что это бесполезно — пряхи хранят знания, а не делятся ими, в чем и состоит парадокс. Хотя, если бы было по-другому, то и эти крупницы древнего знания давно были бы утеряны или уничтожены. Где рунические грамоты древних народов с описанием их истории, обычаев, легендами об их богах?! Нет их, единичные

зарубки на камнях, все уничтожили ливонские рыцари, а пояса, вышивки, рушники сохранились, потому что для всех вокруг это просто безобидное народное искусство! До свидания! Вы всегда сможете связаться со мною через Артурса, — попрощалась Ириса и быстро направилась к выходу из музея.

Мерседес летел по шоссе, мирно укачивая своих уставших пассажиров. Мы возвращались в Ригу. Мила и Артурс мирно посапывали. Опасная дрема вползла в салон автомобиля. Марк замотал головой и начал болтать, опасаясь задремать за рулем:

— Странно как-то... Хорошо знаю эти места и часто бывал в окрестностях Лиелварде на аэродроме, но ни разу не заезжал в музей. Во времена СССР под этим городком базировался Оршанский истребительный авиационный полк. Это же надо, ступы сменили на самолеты, а маршрут Лиелварде — Орша остался. Да шучу я, не стучи меня по спине, Мила, все у меня нормально с головой, а что, только вам можно говорить непонятно о чем?! — рассмеялся Марк и сделал музыку громче.

— Что-то ты мне ничего не рассказывал об этом бизнесе! — сладко потягиваясь, удивленно спросила проснувшаяся Мила.

— В наше время здесь расположили аэродром НАТО, и моя компания участвовала в его реконструкции, — начал объяснять Марк.

— Страх, страх маленькой страны и народа перед огромным и сильным соседом, этот страх был всегда у латышей и перед русскими, и перед немцами, — неожиданно пробубнил Артурс.

— Я помню, мне отец рассказывал, как перед войной русских боялись намного больше, чем немцев. Даже рижские евреи, которым говорили: «Уходите с русскими войсками, немцы убивают евреев», — не хотели эвакуироваться и отвечали: «За что нас убивать? Немцы — наши братья, мы общаемся на одном языке, мы веками жили и торговали вместе, мы учились в Германии, у нас много смешанных браков!» — продолжил разговор Марк.

Но никто не поддержал беседу. По радио пел саксофон — надрывно и сексуально... За окном сквозь обнаженный лес мелькали поляны-чаши, наполненные белыми и лиловыми цветами. Машин на дороге было немного, и примерно за час мы добрались до гостиницы, где попрощалась, дав друг другу обещание чаще встречаться. Завтра меня опять ждал аэропорт и перелет в Таллин.

Продолжение следует.